

7Кругозор 67

ПРОФИЛЬ РЕВОЛЮЦИИ

На одном из своих заседаний Совет Народных Комиссаров постановил: «Ассигновать Народному Комиссару по Просвещению 30 000 руб. (тридцать тысяч рублей) на работы по постановке временных памятников великим деятелям Русской Революции».

Это было 29 июня 1918 года; написал документ В. И. Ленин. В списке, утвержденном Владимиром Ильичем, стояло 67 имен. Спартак, Робеспьер, Маркс, Энгельс, Кибальчич, Толстой, Кольцов, Врубель, Мусоргский...

В Москве и Петрограде стали появляться скульптуры из гипса и дерева. Выбор материала диктовался временем: литейные заводы стояли, мрамор требовал больших сроков, а главное — переводить эскизы в материал было решено только после массового обсуждения. Именно в обсуждении проектов видел Ильич задачу монументальной пропаганды.

С 1918 по 1921 год воздвигли двадцать пять памятников в Москве и свыше пятнадцати — в Петрограде. Я был членом моссосветовской комиссии по установке памятников и до сих пор хорошо помню обелиск «Советская Конституция» (скульптор Н. Андреев, архитектор Д. Осипов), барельеф «Свобода» С. Коненкова, памятную доску на Путинках. Памятники открывались торжественно, с пламенными и страстными речами ораторов. В. И. Ленин выступил на открытии памятника Карлу Марксу, А. В. Луначарский — у памятника Софье Перовской.

Немногие временные памятники дожили до наших дней. Важно другое: они положили начало советской монументальной скульптуре.

Н. ВИНОГРАДОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.

А Я ВСЮ ЖИЗНЬ ИЗ ДОМУ...

Егор ИСАЕВ

●
Фрагмент
из
поэмы

о мне приходит
Облако.

С рождения
Оно мое. Оно идет с полем
Не по течению ветра —
По вельюю
Души моей и памяти моей.
Пока я жив,
Его не сбить с маршрута.
Пока я жив,
Оно всегда со мной.
В нем дали все,
Как стропы парашюта,
Связуются
С единственно одной —
Той
Изначальной далью,
Той
Печальной
И радостной,
Как бубенец в груди.
Та даль была
И лентой повивальной
И первой стезжкой под ноги:
Иди.

Иди, малыш.

И я, как по неверной
Волне, шагнул
И удержался — сам!
И горизонт мой первый,
Самый первый,
Как синим полотенцем
По глазам,
И мир открылся.
Мир!
И подземельный,
И надземельный,
С множеством чудес:
С лохматым псом,
С бадейкой журавельной
И журавлиной музыкой с небес.
Подробный мир,
Чтоб взять и наглядеться,
Чтоб взять и вызнать.
Не хватало дня.
Огромный мир
На маленькое сердце,
Он с головой онатывал меня.
И относил
Все дальше от порога,
От материнской, ласковой руки,
Грозил грозой
Над взвихренной дорогой
И окрылял: держись за ветерки,
Когда качег,
Греби к себе, как волны,
И отгребай, отталкивай

с боков,
А упадешь —
Такой уж я неровный.
Не огорчайся.
Исполкон веков так было

с каждым.
Да. И будет с каждым.
Во все мои грядущие века.
Я — сложный весь.
Я — трудный.
А пока что ты вон, смотри,
Не прогляди жука,
И ту букашку-буковку,
И эту, из моего живого
букваря.

Не прогляди.

И по его совету
Я погрюсался в травы,
как в моря.
А травы те тогда густыми были
И рослыми —
Не по моим летам.
Они, как ливни,
Под рубаху били
Из-под земли
И сверху, где-то там,
Над головой,
Под самым синим небом,
Цветки свои качали, не дыша.
Но небо небом.
Пусть себе!
А мне бы
Не пропустить глазами мураша,
Сорвать листок,
Потрогать землю пальцем
И на зуб взять:

Ну, как она, земля?
И, уж конечно, высмотреть
жужжальце,
То самое, что где-то у шмеля:
«Везу, везу» —
Жужжало пустотело,
Остерегая:
«Сторонись, лечу-у...»

На что уж солнце,
И оно глядело
На землю,
Раздавая по лучу
Росинке каждой,
Чтоб она сверкала,
Былинке каждой,
Чтоб взялась листвою,
И той норе, откуда вытекала
Чешуйчатая лента
С головой,
Как пуговица, сплюснутой.
По звуку вся жестяная:
По бруску — ножом...

И я замерз!

Была ль змея гадюкой,
Бедой моей?
Была ль змея ужом?
Спросите степь.
По рытвинам, по косям
Змея стекла,

Как тихий, жуткий гром.

Я случай тот по памяти
не помню —
По молоточку помню под
ребром.

Он вдарил вдруг
Во все мои границы,
Во все края:
В ружье! В ружье! В ружье!
И дал понять:
Горит в моем горнильце
Запазушное солнышко мое.
Чуть что — я тут! —
Напомнит, — под рукою, —
Не вечное, но вечному сродни.
Они вдвоем
В заздравном непокое
На вырост мой раскатывали
дни.

Они вдвоем —
Зови, не дозовешься —
Несли меня,
Ликуя на бегу,
Через поля,
В подсолнечные рощи —
В степную, лопухую тайгу.
А там, а там,
Как в горнице прохладной
И прибранной, —

Особенный уют.
Там воробьи —
Да будь они неладны! —
Того гляди,
Веснушки оклюют.
Там хорошо!
Там солнечные брызги
Не бьют в лицо,
А льются, не слепя.
Идешь по ним,
И голос материнский
Как будто не касается тебя.
— Пора домо-ой!..
А ты — да ну, да ладно —
Идешь себе.
Какое там пора,
Когда курган подступит
агромадный!
А чем он, сизоверхий, не гора?
Чем не Казбек?

И ты на четвереньках
возьмешь его,
Как вынырнешь: ух, ты-ы!
Внизу она — родная деревенька,
Внизу они — огнистые цветы
Твоих лесов.
И где-то за лесами:
— Домо-ой!.. Домо-ой!.. —
Родимая зовет.

Но что поделать с синими
глазами,
Когда они, высокие,
Вот-вот
Слетят с лица,
Как ласточки,
И разом,
Над окоемной покружив
каймай,

Возьмут всю степь
И на зеленый разум
Положат все!..
Какое там домой...

И лишь потом
В дремотных, сизых сенцах
Ожжет тебя ременная гроза
От всей души,
От любящего сердца...

И будет ночь, как шапка
на глаза.

И будет солнце медленно и ало
Вставать, и плыть, и длиться
над тобой,

Меняя дни,
Меняя покрывала, —
Зеленое,
С расцветкой голубой
На рыжее,
А рыжее с багрянцем
На серебро
Сугробных пустырей.
И ты однажды бравым
новобранцем

Войдешь в когорту
Знатных косарей...

«ХОТЬ СОТУЮ ДОЛЮ...»

Каждый человек ставит перед собой цель.
Но не каждый ее достигает.
Каждый человек думает о счастье.
Но не каждый знает, в чем оно.
Каждый любит своих детей.
Но каждый по-своему понимает эту любовь.
Каждому приходится оценивать поступки свои и других.
Но не каждый строг к себе так же, как к людям.
Каждому свойственно ошибаться.
Но каждый по-разному относится к собственным неудачам.
Каждый человек думает о смерти.
Но не каждый заглядывал ей в лицо.

Человек, о котором мы хотим рассказать, — Николай Степанович СОРОКИН.

Он был безработным.

Его трудовой стаж — сорок четыре года, и три сына, которых он вырастил, гордятся им.

Ему в 1924-м, в год смерти Ленина, комсомол дал рекомендацию в партию.

Его раз десять подстерегала смерть, и двадцать два послевоенных года он считает даром судьбы.

Им не сделано никакого открытия, но каждый корабль, сошедший со стапелей Балтийского завода, несет тепло его рук.

О нем думали, мечтали, писали: Кампанелла — в «Городе Солнца», Шекспир — в сонетах, Маркс, Энгельс — в «Коммунистическом манифесте», Ленин — в «Государстве и революции».

Он расскажет о себе на первой звуковой странице. Его рассказ мы назвали «Хоть сотую долю...».

Л. АЗАРХ, А. ЛАРИОНОВ,

специальные корреспонденты «Кругозора»

Ленинград.

Фото Л. Лазарева

Летом 32-го года в Балканлаве у этой пьесы было три названия: «Гимн матросам»; потом — «Да здравствует жизнь!» и — как будто уже окончательное — «Из хаоса», где в снобках стояло определение жанра: оптимистическая трагедия. Но в конечном варианте снобки открылись, определение поднялось в заголовок, и никому тогда еще не известная пьеса стала называться: «Оптимистическая трагедия».

Ее примут по-разному. Отрицательно и восторженно. «Вместе с Вишневым, — скажет Александр Таиров, режиссер Камерного театра, — через его трагедию на сцену пришел тот герой, которого так жадно и

обеспокоенно ждали многие годы и сам театр, и зритель».

Зрители занимали свои места, рождались первые такты в оркестре, и воодушевленность позволяла всему залу, до последнего ряда, откликнуться на слово «Помнишь!».

«Спрашиваю у каждого из вас: помните ли, сколько было коммунистов в те годы в рядах Красной Армии и Флота... Ну, ну, припоминайте, участники!.. Двести восемьдесят тысяч. Половина партии...»

А в матросском полку было всего два коммуниста: маленький финн и маленькая женщина-комиссар. И перед лицом будущего боя, перед лицом смерти хотел матросский полк

1917—1967

НАСТОЯЩИЕ БОЛЬШЕВИКИ, НАСТОЯЩИЕ

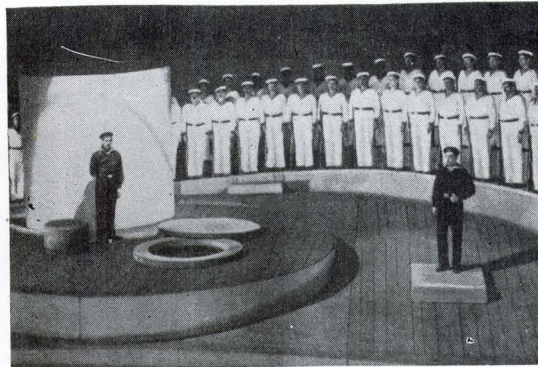
рассказать о себе правду потомкам. Он выделил двух матросов. Несильные в красноречии, они говорили: «Будто к тебе, сидящему в зале, обращается революция: «Здравствуй, пришедшее поколение!».

Обращение было принято, хотя летело сквозь десятилетия, наполненные таким множеством событий, что, казалось бы, должно было раствориться в них... Но недаром первая нота «Оптимистической» выросла из походного марша. Как говорил сам Вишневский. Чистая и звонкая, она сохранила свое звучание, была услышана, проникла в сердце. Правда о революции выдержала натиск времени.

не и Токио, Варшаве и Белграде. Прогремит спектакль, поставленный в Ленинграде Георгием Товстоноговым; на Международном кинофестивале в Канне фильм «Оптимистическая трагедия» получит приз «За лучшее воплощение революционной эпопеи». Малый театр поставит трагедию (постановка Л. Варпаховского), и Большой посвятит оперу композитора Холминова пятидесятилетию Октября.

«Оптимистическую» играли в революционном Мадриде, и журнал «Эстампо» писал: «Это наша собственная трагедия, наши сегодняшние муки».

...О Всеволоде Вишневском сохранилось множество воспо-

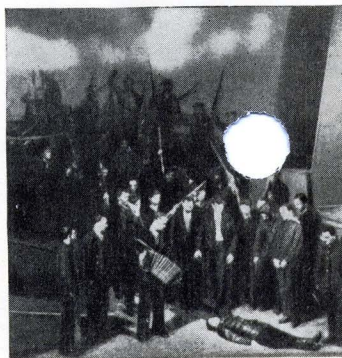
МАТРОСЫ, НАСТОЯЩИЕ АКТЕРЫ...

«Я читал греческую классику,— писал автор,—я сознательно все время уходил от бытового натуралистического нажима для того, чтобы прийти к чистоте и суровости классической темы».

Пьеса была сыграна в 1933 году. Сначала в Киевском русском драматическом театре. А в конце того же года Алиса Коонен, комиссар в кожаной куртке, произнесла со сцены Камерного театра свою самую короткую реплику: «А партия?»

Спектакль прошел великолепно. Репортер «Литературной газеты» собирал в зале отзывы для рецензии. Из публики ему ответили: «На сцене настоящие большевики, настоящие матросы, настоящие актеры».

Из Москвы, из Камерного, где спектакль прошел восемь раз, «Оптимистическая трагедия» начала шестие по Советскому Союзу и вскоре вышла за его пределы. Пьесу Всеволода Вишневского будут играть в Париже и Праге, Берли-

минаний. Маргарита Алигер пишет: «Он разговаривал одинаково с одним человеком и толпой. Очень сосредоточенно, очень из глубины, словно уходил в самого себя, в свою убежденность».

Ганна ГРАНОВСКАЯ

ПАМЯТИ КОСМОНАВТА В. КОМАРОВА

«Здесь страх не должен подавать советы»

Прогресс сконцентрирован в кабине космического корабля. Долгие месяцы раздумий, бесконечные опыты, проверки тончайших систем, труд тысяч и тысяч людей — результат всего этого вручается космонавту. Ему доверяют испытывать то, над чем бьется дерзновенная мысль. Логикой событий, самим процессом труда космонавт

оказывается в фокусе внимания создателей космической техники, а затем — миллионов людей.

Космонавты стали нашими национальными героями. У каждого свои, неповторимые черты характера. Они не «супермены», а люди, дела которых заставляют каждого по-новому ощутить свою человеческую ценность.

В одной из работ Карл Маркс писал: «У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть поставлено требование: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда. Здесь страх не должен подавать советы».

...Когда мы думали, говорили, писали о космонавтах, то нередко отбрасывали сложность научного поиска, заостряя внимание на конечном результате труда; чаще всего память выхватывала из множества фактов только некую парадность: ковровую дорожку на аэродроме, улыбки, торжество встреч, рапорты... Мы подчас забывали, как это трудно.

Владимир Комаров.

О чем говорил он перед стартом?

О работе. О работе, которую проделал на Земле и собирался выполнить в космосе. В памяти — последняя беседа, его слова: «Много занимался, бывал на заводах, в конструкторских бюро. Обычная, повседневная работа...» Помню, пытался возражать, что профессия космонавта редкая, а он продолжал убежденно: «Работать и жить в космосе можно. Сейчас надо «взнуздать» новый корабль, освоить новые системы». На магнитофонной ленте остались записаны его слова: «Волноваться я не буду, буду работать так, как запланировано...» И последнее: «До свидания! Вернусь — подробно расскажу».

Перед глазами стройный человек в голубой куртке на белом фоне обтекателя космического корабля. Его плотная фигура выхвачена лучами прожекторов. Комаров входил в корабль ночью, стартовал на рассвете...

После старта — разговор с одним специалистом. Он рассказывал: была комиссия, выбирали командира нового корабля. Говорили со многими. Выбрали Комарова...

Еще вспомнилась трудность посадки Беляева и Леонова. Тогда на пункте управления первый вопрос о случившемся академик С. П. Королев задал Владимиру Михайловичу Комарову...

Ему всегда была чужда поза. Он был прост и сложен. Сложен в своем нелегком научном поиске, который продолжают другие. Им будет легче. Впереди шел Комаров. После первого полета на вопрос о планах на будущее Владимир Михайлович отвечал: «Прежде всего нужно обработать научные материалы, которые мы получили во время полета. Надо обобщить их».

Сейчас это делают другие.

Юрий ЛЕТУНОВ,
специальный корреспондент
Всесоюзного радио.

читает

Александр Блок

«Чем удивительнее явление, чем оно великолепно, тем труднее рассказать о нем нашими мертвыми словами, — писал Константин Паустовский. — Одним из таких прекрасных и во многом необъяснимых явлений нашей русской действительности является поэзия и жизнь Александра Блока».

Чем больше времени проходит со дня трагической смерти Блока, тем неправдоподобней кажется нам самый факт существования среди нас этого гениального человека.

Он слился для многих из нас с необыкновенными людьми, с поэтами Возрождения, с героями общечеловеческих легенд.

Одной из больших потерь своей жизни я считаю то обстоятельство, что не видел и не слышал Блока.

Но я верю тем людям, которые его слышали и которые рассказывают, что тембр голоса у Блока был глухой, отдаленный, равномерно спокойный. Его голос доходил даже до его современников, как голос из близкой дали. Было в нем нечто магическое, настойчивое, как гул долго затихающей струны.

Тот Блок, о котором я говорю, крепко существует в моем сознании, в моей жизни, и я никогда не смогу думать о нем иначе. Я провел с ним в молчании много ночей, у меня так часто падало сердце от каждой наугад сказанной и поющей его

строки. «Этот голос — он твой, и его непонятному звуку жизнь и горе отдам...»

Так сказал художник о художнике. Из многих страниц о Блоке мы выбрали эту, и мы рады, что можем дать возможность миллионам любителей поэзии услышать голос Блока. Запись была сделана С. И. Вернштейном. Он рассказал нашему корреспонденту:

«К июлю 1920 года мною уже были записаны Андрей Белый, Кузьмин, Гумилев, Пяст, Лозинский, Мандельштам, Маяковский...

Теперь я искал случая записать Блока. Когда я изложил поэту мою просьбу, Блок сказал, что заинтересован ею и готов предоставить мне свой голос, но читать в фонограф тут же отказался, сославшись на то, что к такому ответственному выступлению надо подготовиться.

— Трудно читать стихи в такие дни, когда ходишь совершенно пустым, — сказал он.

И предложил произнести запись после публичной читки стихов, назначенной на один из ближайших дней в Доме искусств.

— Тогда мне все равно придется привести себя в соответствующее настроение.

В выборе стихов для записи Блок проявил большую разборчивость. Он отказался читать «Вольные мысли», «Она пришла с мороза», «Двенадцать». «Я не знаю, как это надо читать», — объяснил он. Через несколько месяцев, в январе 1921 года, он записал в своем дневнике: «Научить-ся читать «Двенадцать».

На мою просьбу прочитать то или иное стихотворение он не раз отвечал: «Лучше я прочту вот это» — и выбирал какое-нибудь другое стихотворение из того же цикла. («Ведь стихи — кровные дети поэта, и хоть некоторые из них он должен до боли любить», — писал он в одной из статей.)

Читал он наизусть, но на всякий случай держал перед собой книгу. Так было прочитано шестнадцать стихотворений. Значительную часть их я сейчас же ему воспроизвел.

— Как странно слышать свой голос, — сказал Блок, — слышать извне то, что обычно звучит только внутри!

— И какое впечатление произвел на вас ваш голос?

— Я бы сказал: тяжелое впечатление. Нельзя голос отделять от живого человека...

Такие высказывания мне приходилось потом часто слышать и от других поэтов, именно от тех, кто не смотрит на свои выступления как на художественное творчество.

Я спросил, как он достигает большого художественного эффекта, совершенно не меняя силы голоса и пользуясь ничтожными интервалами.

— Это общий принцип искусства: экономия выразительных средств. Я знаю это потому, может быть, что прежде был актером.

Эта подробность его жизни была для меня новостью. Позже, уже из биографии Блока и из воспоминаний о нем, я узнал, что в ранней молодости он часто выступал в любительских спектаклях и собирался стать профессиональным актером. Узнал и то, что стихи — чужие стихи — он читал в ту пору совсем иначе.

Запись голоса Александра Блока попала потом в небрежные и неумелые руки и была сильно испорчена. Понадобились многие месяцы совместной работы Института звукозаписи, Студии грамзаписи и фонотеки Союза писателей, чтобы стало возможным услышать голос поэта.

*Материалы
об Александре
Блоке
и звуковая
страница
подготовлены
для «Кругозора»
Львом
Алексеевичем
Шиловым.*

Гравюры
Ю. Космынина.

Голоса нашей биографии

У настоящего предвидения есть свойство: ему дважды удивляются. Один раз — его смелости. Второй — когда оно сбывается.

Преодо мной речь А. В. Луначарского, только что переписанная с матрицы граммпластинки на пленку: «Культурная роль граммофона». Она произнесена 11 августа 1931 года. Анатолий Васильевич говорит о возможностях и перспективах использования звукозаписи на радио. Тогда, в начале 30-х годов, наше радиовещание только начинало использовать документальные записи в передачах. Луначарский именно в этом видел завтрашний день радио. Смелыми, размахистыми

Луначарский: будущее великого говорящего

штрихами нарисовал он будущее «великого говорящего», предсказав его победу не только над пространством, но и над временем.

Было ли предвидение Луначарского случайной догадкой? Нет. Вот факты.

1919 год. Луначарский среди первых ораторов из числа руководителей большевистской партии и государства, речи которых записаны на граммпластинки и в тысячах экземпляров разосланы по стране. Несколько речей Анатолия Васильевича было записано таким же образом в двадцатых и тридцатых годах.

1924 год. 8 сентября в Большом театре впервые в нашей стране был проведен публичный радиоконцерт. Он начался с выступления наркома просвещения Луначарского.

1927 год. 18 сентября. Радиовечер, посвященный творчеству Анри Барбюса. Докладчик — Луначарский.

1929 год. 16 января. Он читает по радио «Дневник народного комиссара просвещения».

1931 год. С 17 февраля центральное радио начало передавать большой цикл лекций Луначарского «Мы и старое искусство...».

Ю. СЕМЕНОВ.

Критик. Когда речь идет о Родионе Щедрина — композиторе многогранном и многоплановом, то всегда интересен вопрос о стимулах его творчества.

Композитор. Очень люблю путешествовать, видеть новые города, слушать новую музыку, а главное, встречаться с людьми. Иная прожитая минута, беседа, даже вскользь брошенное слово или взгляд дают порой не меньше, чем долгое путешествие.

И это все стимулы для новых сочинений, над которыми работаешь ежедневно. Но не стоит делать из этого вывод, что я особенно трудолюбив или обладаю крепкой волей. Банально, но я повторю: композитор — это тот, кто не может не писать музыку. Понятие воли несколько из другого мира.

Критик. Разнообразны жанры и темы сочинений, к которым обращается Родион Щедрин. Балет-сказка «Конек-горбунок», опе-

Композитор — Родион ЩЕДРИН
Критик — Дора РОМАДИНОВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВСЛУХ

ра на сюжет из колхозной жизни «Не только любовь», знаменитый марш из кинофильма «Высота», Вторая симфония...

Композитор. Встретил я однажды музыканта, потерявшего на фронте правую руку. Плен, побег из фашистского концлагеря, участие в итальянском Сопротивлении... В первый послевоенный вечер пришел он в концертный зал, услышал столь знакомую нам всем настройку инструментов и... потерял сознание. А затем годы труда, чтобы научиться играть на валторне одной левой рукой.

Вот такая встреча. А потом я писал свою Вторую симфонию — рассказ о мире и войне. Мне хотелось рассказать о мирных улицах и площадях, улыбах людей, шелесте шин, беспорядочной какофонии оркестровой настройки и... грозном реве военных самолетов,

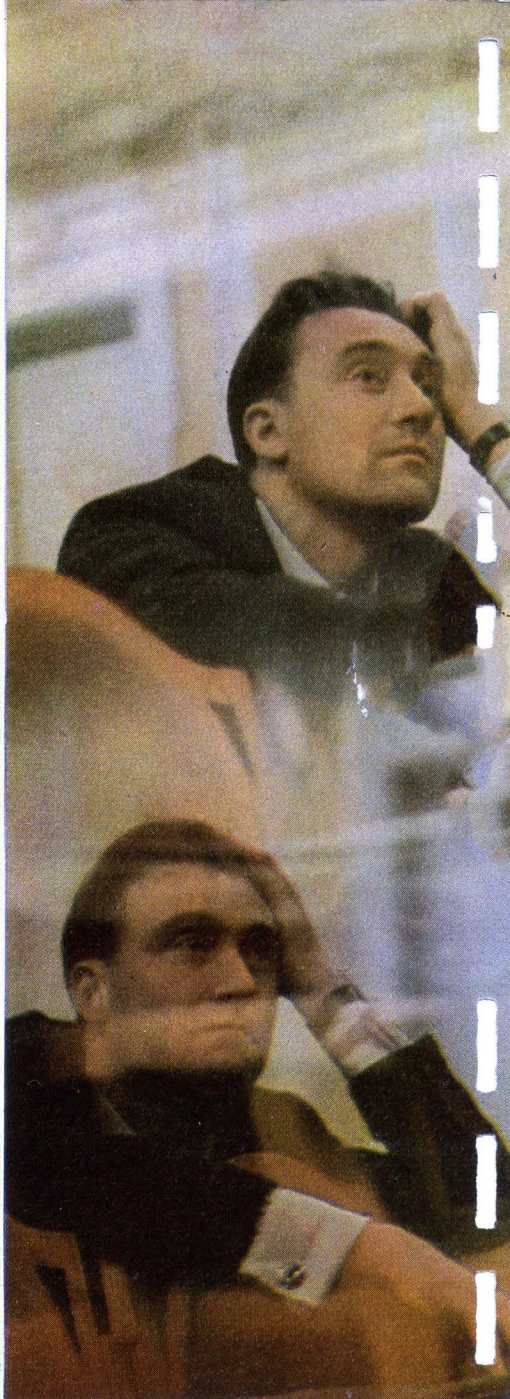
разрывах снарядов, оборвавших все привычное.

Критик. Внешне музыка Щедрина очень спокойна и невозмутима. Но за этим — застенчиво припрятанная теплая, светлая лирика, нежность и доверчивость. За динамичностью, энергией, четкой ритмической организацией — душа романтика и мечтателя.

Композитор. Когда-то, занимаясь профессиональным боксом, я узнал, что есть шесть точек, меткий удар в которые обязательно приведет к нокауту. У меня, как у музыканта, — три таких точки: это отличное исполнение музыки Скрябина, хороший джаз, настоящая русская песня. Только обязательно настоящая, та, которая звучит иногда в деревне. Поздним вечером, издаലെка, с другого конца села доносятся девичьи голоса — и не очень уж «нарядные» и не очень уж подобранные, но такие щемяще-беззащитные, такие родные... Вот тут-то я, как музыкант, и получаю нокаут.

Критик. Щедрин связан с русской песней, с частушкой, которая для него многолика. В ней бравада и улыбка, памфлет и лирика... А ведь в последние годы, казалось бы, ослабела связь профессионального искусства с народными истоками... Общечеловеческое, общезначимое будто задавило все ярко характерное для музыки того или иного народа. И уже не столь четким стало ныне, на мой взгляд, разграничение национальных музыкальных школ, как, например, в прошлом веке: итальянец Верди и немец Вагнер, француз Бизе и русский Мусоргский... Не результат ли это некоторого забвения, невнимания к старинному и современному народному искусству?

Композитор. Все реже и реже можно услышать настоящее исполнение народной песни. Все больше стремление «приспособить» ее для

сегодняшней эстрады, «подстроить к уху слушателя», а не наоборот, заинтересовать слушателя первозданными красками народной песни. Да и в народе сейчас не часто, к сожалению, услышишь народную песню, даже столь популярную недавно частушку. Както смела, вытеснила ее авторская массовая песня, которой я и сам отдаю дань в своем творчестве, но которая ни в коей мере не замечает народных напевов.

Тем не менее не согласен с точкой зрения, что ослабел интерес композиторов к народному творчеству. Это привело бы к стиранию граней между национальными школами, которые, по моему, до сих пор четко ощущимы (хотя я и против классификации).

Критик. А может быть, это воздействие нашего «технического» века? Порой, увлекаясь самой технологией, этой «математикой музыки», композиторы упускают иные ее качества. И лишь самые талантливые, остро ощущающие связь накопленного и современного в искусстве, мудро отыскивают необходимую пропорцию новаторского, не порывая при этом с традициями, уходящими в народное искусство.

Композитор. Любая система организации звуков — от тональной до серийной — хороша и плодотворна в руках талантливого человека. Дело не в средствах, а в результатах — это общеизвестно. Язык Мусоргского тоже был сложен и порой непонятен его современникам. Но талант его был столь велик, что подчинял себе великих, приковывая внимание. И музыка его победила. Потому что была талантлива.

Это понятие включает в себя прежде всего острое ощущение художником современного, актуального. Талант не может быть не современен. Если художник не живет заботами своего народа — значит, он не талантлив и не национален.

Фото
А. Лидова.

Заметки из Канады

Кленовый лист

Только канадский шофер, решительный и хладнокровный, как московский пешеход, может прокатить вас за пять дней через пять южных городов, вобравших в себя добрую четверть населения просторной Канады. В клубне дорог и мостов безошибочно находит он кратчайший путь к самому большому в британском содружестве, в стране или провинции небоскребу, и здесь, у подножия гиганта, вы внезапно ощущаете, как тесен и душен для человека новый вариант Вавилонской башни. А очнастый зеленоглазый автобус, пугая машины с нью-йоркскими номерами, уже мчит мимо полей, берез и кленов, мимо озер, и это кружащееся, невесомое пространство тихо призывает: остановись, иди по земле, плыви... Справа озеро Эри, слева озеро Онтарио — синие школьные грезы. Но дорога держит в своей власти, прямая и строгая, как новый солдатский ремень.

А где-то совсем рядом, за яблонями и пшеничными квадратами, лежала пустынная северная земля; оттуда летел холодный ветер, там падал такой же, как у нас, северный снег. Я знал: эскимсы называли ее Нунассиак — прекрасная земля, — и я спрашивал каждого канадца, с которым знакомился: какая она? Мне не везло: никто не бывал на Севере. Наконец я нашел: старый дом в Оттаве, художник Дженсон, «стучать в левое окно». Через минуту я уже смотрел неоконченную картину: лед, камень, пустота — Север, суровая музыка. Знаменитые пейзажи знаменитого

А. Джексона висят не в этом доме — в музеях, а сам мастер в свои восемьдесят лет работает и работает, устремив на холст красные от усталости глаза. Он шутит: «В отличие от Амундсена я вернулся из путешествий», — а когда я спрашиваю, почему на его картинах редко увидишь человека, удивляется, по-детски всплескивая руками: «А что там делать человеку? Там, если по-счастливится, встретишь только эскимоса, индейца или сумасшедшего художника».

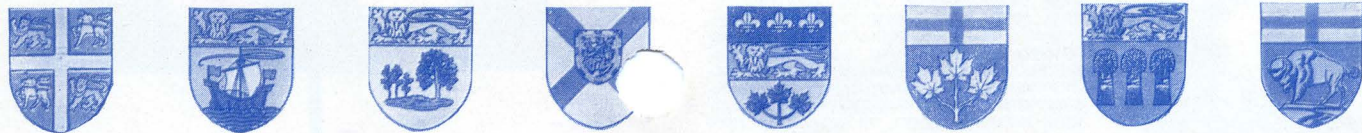
Посему на всех полотнах Джексона всегда есть человек — автор.

Наверное, индейцы, которых встречал Джексон, не похожи на Чифа. Он живет не в северной пустыне, а около Монреаля, в резервации Каугнавага; встреча эта была так же неожиданна, как и явление севастопольской пушки образца 1801 го-

мом — Мишель Картье, молодой и вдохновенный вождь «Блуждающих огней». Я не случайно сказал «вождь»: пятнадцать лет назад типографский рабочий решил создать первый в стране ансамбль народного танца, и он убедил публику, что «крестьянские танцы» — искусство, и теперь Картье ненасытно собирает народную радость. Он живет, например, очень долго в забытом всеми богами индейском клане, где-то на окраине земли, у Ледовитого океана, и становится сыном вождя, и получает в дар «танец сына», а его маленькая дочь — «танец дочери». И он счастлив, что сжился с этими людьми, что понял их, — только так можно поставить настоящий номер программы.

— Каждый канадец, если он житель «маленького Парижа» — Квебека, или рыбак приморья, или ковбой в прериях, убежден, что именно его провинция — это и есть Канада. Мы все правы, потому что только сейчас, на пороге столетия, начинаем открывать свое единство. Главное в нас — стремление к созиданию всей страны и любовь к своему дому. Так говорит Картье.

Картье, по моему, чувствует ритм времени безошибочно. Юбилей канадской конфедерации не один праздник, а и труд: новые библиотеки и школы — память о столетии, поездка «агитпоезда столетия» через всю страну, маршрут на каноз «Скалистые горы — Монреаль» и еще большой

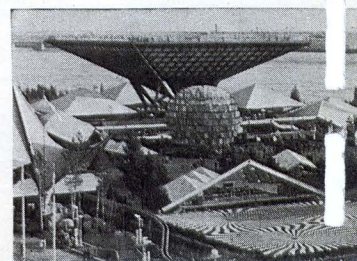

да в центре Монреаля. Из деревянного сарая-музея вышел милейший курносый вождь в блестящем наряде и, узнав, кто я, от души протянул мне руку и показал приколотый на груди значок теплохода «Александр Пушкин». Потом по ту сторону островой оградой подкатили два туристских автобуса, и Чиф, привычно облачившись в пышные перья и взяв боевое копье, стал позировать перед камерами. В ларьках, из темных прохладных глубин, таинственно возникли продавцы; началась распродажа нукол, браслетов, бамбуковых копий с горбоносым силуэтом Чифа на этикетках.

Грустно прозвучали для меня традиционные слова о рекламе и торговле, произнесенные спутником-канадцем, и я вспомнил великолепную, солнечную, белую от скорости падения尼亚гару. Водопад, вернее, два водопада: прямой — американский, подковообразный — канадский. Как и Чифа, их обступали туристы, машины, башни, долларовые ларьки. Можно даже было коснуться курьерской струи рукой, высунувшись из подземного бетонного окошка, и с удивлением подумать, что какие-то чудачки лет сто назад сидели в эту адскую дыру в бочонках, а теперь сиди спокойно в стеклянной вертящейся посудине ресторана и гляди с высоты на утыканный радугами поток, и гаси сигарету в фирменную пепельницу. Что ж, цивилизация подростка.

И еще один человек оказался, как и неутомимый Джексон, редким северным путешественни-

список других дел. Вокруг театра, где плясали «Блуждающие огни» (все танцоры еще недавно — учителя, столяры, телефонисты, шоферы и даже один таможенный инспектор), где объединивший их всех рабочий говорил свои философские слова, — вокруг театра выстроили канадские павильоны «ЭКСПО» и ярким фанелом горел на солнце красный шар, символизирующий кленовое дерево, где каждый матерчатый лист — картина жизни, а еще выше, на мачте реял флаг с багряным кленовым листом. Этот флаг родился после полувекового обсуждения. Я видел документ 1964 года в парламенте Оттавы: каллиграфически выведенные

тушью буквы, образец флага, подпись премьер-министра и вверху — росчерк шариковой королевской ручной: Елизавета. Через два года после запуска своего спутника Канада обрела флаг нации...

...Почти век тому назад Уитмен под впечатлением выставки столетнего юбилея США вдохновенно прославил электричество, пар, мосты. Разумеется, что «ЭНСПО-67», пестрая модель XX века,

славит новые достижения людей и прежде всего — рабочего класса, чей труд овеществлен во всем. И было очень странно и даже обидно, когда в некоторых павильонах тебя встречали лишь световые эффекты и сумбурная музыка, улыбки кинозвезд и столбы пыли, откровенно выражающие мысль своих авторов: человек ныне устал от техники, от цивилизации.

Вспоминаю и то чувство радостного удивления, когда в час открытия нашего павильона увидел великую, «всемирную» очередь у «Серпа и молота». Эскалаторы несли туристов, монашенок, горожан в новый мир, чьи главные законы вычканы на выразительном «Серпе», в мир сильный и наглядный, где земля и люди слились воедино и устремились в будущее. Без всяких переводчиков, только по выражению лиц ясно: они увидели страну, о которой слышали самое разное, они убедились, какой рывок сделан за советские полвека.

...Когда мы летели домой, мне показалось, что я разглядел то, о чем думал все время, — пустынный канадский Север. Он лежал внизу, словно огромный молчаливый зверь, снежно-голубой, с синими подпалинами. Но очень скоро наступила ночь: мы летели навстречу солнцу.

Е. ВЕЛТИСОВ,
специальный корреспондент «Кругозора».

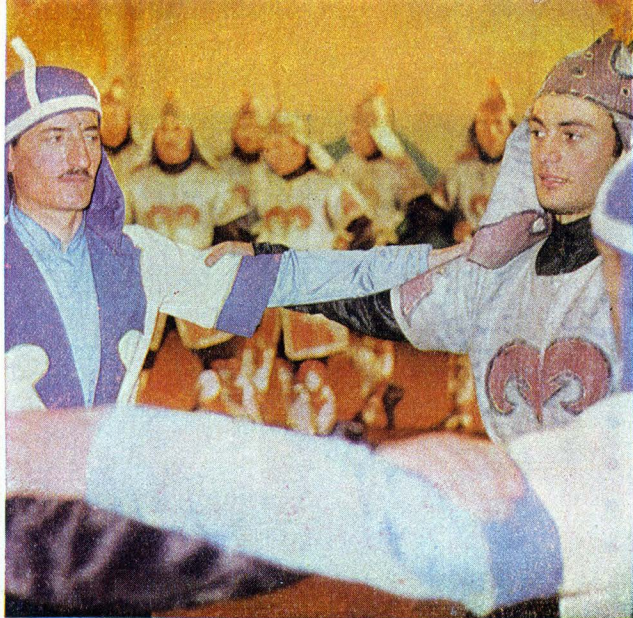
Монреаль — Москва.

Слушайте двенадцатую звуковую страницу.

ДАВАЙ
ЗАКУРИМ.

Мелодии
памятные
всем,
композитора
Модеста
Габачникова

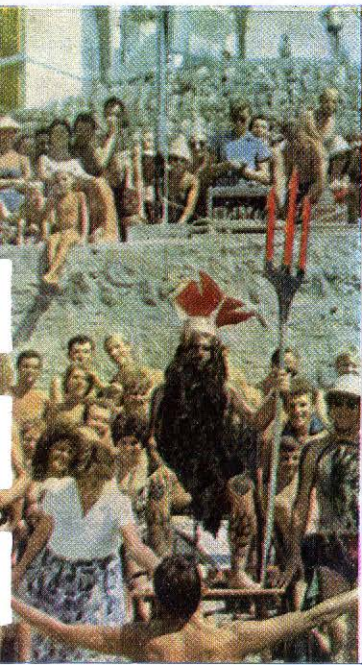

ИГРАЙ, БАЛАЛАЙКА

Балалайка — слово веселое. Не говорится — поется. И в музыке, почти во всякой — лирической или эпической, исполненной на этом инструменте, — сквозит улыбка. Звуки срываются со струн, казалось бы, легко, без труда. Балалайка — это естественность. Такова и песня, подходящая этому краю, — южному, не защищенному от слепящего солнца и сухого ветра. Веселому краю — от богатства, добытого трудом, будто целый год, без зимы, зреют хлеба, и цветут яблони, и наливаются виноград.

На снимках В. Козлова — участники самодеятельности Краснодарского края и Ростовской области.

Слушайте 8-ю звуковую страницу.

Это было не на экваторе, а на пляже. Нептун прибыл на лодке в сопровождении русалок, чертей и пиратов в синих эластичных плавках. Царь морской вышел на берег, чтобы вершить суд, быстрый и правый. Падают ниц челобитчица. В мегафон она жалуется подводному богу: «Современные соловьи-разбойники, сиречь владельцы транзисторов, житья не дают. Волны стали крутыми, а вода соленой». Всех, ного челобитчица называет, хватает свита — и к ногам Нептуна. Под одобрительный хохот берега оглашается стандартный приговор: «В воду!» Туда же отправляют и челобитчицу — пусть не жалуется. Линию экватора в жаркий день можно провести всюду. Почему бы не проводить веселые праздники Нептуна на берегу окрестного озера, пруда, речки?

А. ДАВЫДОВА
Фото Л. Носова

слушайте

в

номере:

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

МОЯ

профессия—

песня

1. «...Когда я был более счастлив?». Рассказ рабочего Балтийского завода.

2. Голоса нашей биографии. А. В. Луначарский: «О культурной роли граммофона».

3. Страница романتيнов. Наши песенные премьеры.

4. История кожаной куртки, рассказанная Алисой Коонен.

5. Поэт Александр Блок у микрофона.

6. Р. Щедрин. Из Второго фортепьянного концерта. Играл автор и оркестр под управлением Г. Рождественского.

7. Модест Табачников. «Давай закурим». «У самого Черного моря». Новые записи. Обработка Б. Савельева.

8. Смотр самодеятельности. Поют: хор Ставропольского края, Игнатий Слпцов (Якутия), женская группа тульского народного хора.

9. Премьеры «Кругозора». В. Шайнский, Р. Гамзатов. «Где же ты, счастье?»; В. Потемкин. «Мой сосед». Поют В. Мулерман и Э. Пьеха.

10. С фестиваля джаза в Таллине: У. Хэнди, «Сан-Луи блюз»; Ф. Шампал, «Сноморохи». Исполняют Ленинградский дисселенд и вокально-инструментальная группа Г. Зарха.

11. Музыкальные лучи планеты: болгарский певец Э. Димитров, В. Андреев. «Песня о моей матери». И. Цанков, В. Башев. «Приглашение на танец». Поет Эмил Димитров.

12. Музыкальная модель «ЭКСПО-67». Записи предоставлены международным отделом Канадского радио (продюсер А. Ливен).

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

Издатель:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице обложки:

«Каховка».

Рисунок

А. Коголова.

На второй странице обложки: гравюра

А. Крынского.

На четвертой странице обложки: «Мальчишки и девчонки». Фото

В. Школьного.

Режиссер

Н. Субботин.

Художник

В. Шапов.

Технический

редактор

И. Шифрин.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции:
Москва.

Пятницкая, 25.

Телефоны

редакции:

В 3-73-94, В 3-74-59.

Б 04522. Подп. к печ.

21/VI 1967 г.

Формат бум. 84×108¹/₁₆.

Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.

Тираж 250 000 экз.

Зак. 1827.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени

В. И. Ленина.

Интервью с болгариним Эмилем Димитровым — автором и исполнителем «Арлекино» и трех десятков других, не менее популярных песен, звучавших на многих музыкальных фестивалях Стагро и Нового света, — мы начали вопросом:

— Какие сложности стоят перед художником, посвятившим себя эстраде?

— Прежде всего, проблема органического соединения в репертуаре песен самого разнообразного характера, многогранность.

Основу моей программы составляют песни, которые я бы назвал гражданскими. Они всегда актуальны, потому что всегда в жизни есть события и радостные, и печальные, и люди не могут быть равнодушны к словам «война», «одиночество», «обида», «боль», «наслаждение»...

Пожалуй, самую высшую награду я получил совсем недавно в Волгограде. Когда спел в концерте песню «Отец возвратился с войны», на эстраду поднялся человек, у которого оба рукава пиджака были заправлены в карманы. Он сказал: «Обними меня, Эмил, я сам не могу этого сделать, ведь песня про меня...»

— Вы говорили о гражданской песне, но это лишь часть вашего репертуара?

— Еще современные ритмы. Жизнь все время создает их, и мы должны сочинять мелодии, соответствующие эмоциональному настрою, который эти ритмы вызывает у слушателя. Да, это развлекательные песенки, и они не претендуют на долговечность. Вчера это были танго и чарльстон, сегодня — твист и шейк, завтра... поживем — услышим.

— Репертуарное разнообразие требует и разнообразия исполнительской манеры?

— Конечно. Каждой песне нужно свое, органичное для нее решение — и музыкальное, и пластическое. Иногда я стараюсь отгородиться от зала невидимой стеной, а порой, наоборот, не хватает площадки, хочется двигаться, танцевать... На репетициях, как правило, мы намечаем общий рисунок исполнения, а каждое выступление несет элемент импровизационности. Поэтому я не могу выступать два или три раза в день. Это принцип — только один концерт, на котором отдаешь себя полностью песне и зрителям.

— Какковы слагаемые эстрадного мастерства?

— Их много, но основные: артистичность, пластика и техника в прямом смысле слова.

— А голос?

— Он никому не мешал. Но мы знаем выдающихся артистов, у которых голос чрезвычайно слабый, с точки зрения консерваторского образования, а они потрясают нас: Далида, Патриция Карли, Шарль Трене, наконец, великая Пиаф. А русская школа песни — Утесов, Шульженко? Их ус-

пех определяют музыкальность, артистизм, умение передать все краски настроения, создать эмоционально насыщенную атмосферу.

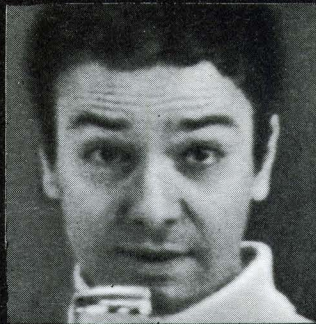
И, кстати, о микрофоне. Из простого усилителя звука он стал инструментом, используемым певцом наравне с аккомпанирующими фортепьяно или ударными. Вспомните концерты Эдиты Пьехи.

Мне кажется, в середине XX века эстрадную песню без преувеличения можно назвать народной. Она занимает сейчас место, ранее принадлежавшее песенному фольклору. Исследователи нашли

авторов многих старых песен, считавшихся созданием музыкального фольклора: например, «Ермак», «Степь да степь кругом» и т. д. Но ведь это ничего не изменило: по самому строю своему и положению в искусстве они народны. И разве так важно, кто написал «Катюшу», «Я шагаю по Москве» или «Летку-Енку». Создавать такие песни, конечно, трудно, но для этого и работают музыканты.

*Интервью вел
А. ШЕРЕЛЬ.*

Цена 1 руб.

